

Елена Кочешкова

Шут

Книга II: Зумана

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2)
К75

Кочешкова Е.

К75 Шут. Книга II: Зумана / Е. Кочешкова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 426 с. — (Шут).

ISBN 978-5-521-91391-6

Он был мальчишкой-акробатом из бродячего балагана и шутом при дворе короля, а стал магом. Он нес ответ только за себя и свои выходки, но прежний мир раскололся, и в новом он должен обрести себя заново — чтобы защищать самое ценное, сражаться и любить. Любить преданно и безответно, ведь о своих чувствах вчерашнему шуту нельзя говорить вслух. Даже той, что дороже жизни.

Она была королевой и наследницей целой страны, но отреклась от престола, чтобы отправиться в неизведанные земли вслед за своей судьбой. Она жила в роскоши и никогда ни в чем не нуждалась, но теперь ей придется забыть о перинах и пяльцах, чтоб научиться разжигать огонь и отыскать в себе волчицу.

Королева и шут не могли быть вместе. Но для женщины из Диких земель и мага, говорящего с ветрами, нет никаких преград.

BIC FM
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91391-6

© Елена Кочешкова, текст, 2021
© Юлия Биленко, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАСЛЕДНИЦА

1

Чаша для умывания была из тяжелого белого фарфора с мелкими синими цветами по широкому краю. Когда-то неосторожная служанка уронила ее, и на месте одного из цветов осталась лишь глубокая щербина. Тонкая длинная трещина прочертила чашу почти до дна, но та отчего-то не раскололась. Глядя на нее, Элея всякий раз думала, что удар можно и пережить, но шрам останется навсегда...

Она поставила чашу на край постели и, обмакнув тряпицу в теплый отвар из душистых трав, принялась осторожно обтирать сначала руки, столь ловкие прежде, но теперь безжизненные, точно ветви высохшего дерева, а затем — исхудавшее лицо с глубокими темными кругами у глаз. Такое родное, такое до боли знакомое... За минувший месяц она изучила каждую его черточку, каждую линию.

«Мой шут... Мой Патрик...»

Он был здесь, но его все равно что не было. Пустой взгляд шута всегда оставался устремлен в недостижимые дали.

Никто не неволил Элею приходить в эту комнату, просто ей хотелось находиться рядом с человеком, который значил для нее так много... делать для него хоть что-то, пусть даже эти действия не имели большого смысла. Обычно за шутком ухаживала служанка Ваэли — поила живительными настоями, мыла, убирала, проветривала комнату. Она словно излучала доброту, эта матушка Кера, ее забота могла отогнать любой недуг. Но шут не был болен. Ни один лекарь в мире не

сумел бы исцелить его, ибо тело господина Патрика осталось невредимым — но дух покинул его.

Элея отложила тряпицу и тихо вздохнула. Да, она бывала здесь часто. Слишком часто. Давно могла бы с закрытыми глазами найти все в этой небольшой светлой комнате, расположенной на втором этаже особняка. Привыкла к ее особенным, не похожим на другие звукам — шелесту ветвей за окном, вздохам огня в камине, тишине... такой безнадежной тишине. Привыкла к запахам бесконечных отваров и лекарств. Вот и сейчас тоже... мята, ромашка, семисил... Отгоняя дыхание болезни, комнату наполнил тонкий аромат трав, исходящий от чаши для умывания. Жаль, сам Пат не чувствовал его.

Вазэля полагала, шут переступил ту грань, что отделяет настоящих магов от потери разума. Дар, которым он пользовался, поглотил его самого без остатка. Со слов наставницы Элея знала, что такое случается, когда маг теряет над собой контроль и более не способен сопротивляться божественному зову источника, из которого черпал свою Силу. Иные способны вернуться обратно, если Поток увлек их не слишком далеко. Или с помощью другого человека, наделенного тем же даром. Только Пат к Вазэлье попал слишком поздно. Его душа оставалась привязана к телу тончайшей ниточкой, но была недостижима.

Ни живой, ни мертвый...

Непонятная сила отбросила его на такую глубину, из которой нет возврата.

Элея зажмурилась, пытаясь отогнать очередной приступ боли, которая всегда теперь жила в ее душе, порой затихая, а потом вспыхивая вновь. Несколько минут принцесса просто сидела, спрятав лицо в ладонях. Она не плакала. Не пристало ей плакать. К тому же... кончились давно все слезы, осталась только пустота. И у этой пустоты не было границ.

Когда Элея узнала о беде, постигшей шута, ее захлестнуло такое чувство потери, подобное которому она испытала лишь однажды — при смерти матери. Ни измена Руальда, ни ожидание его казни, ни угроза на всю жизнь оказаться в монастырском заточении не повергали принцессу Белого трона в столь безысходное отчаяние.

С улицы донесся дребезг колес и цокот копыт. Элея, вздохнув, поднялась с края постели. Она подоткнула цветное лоскутное одеяло и, стиснув губы, мгновенно заставила себя преобразиться в наследницу. Осеннее солнце еще стояло высоко, и Ваэлья не ждала гостей в этот час, а значит, приехали за дочерью короля, хотя та велела кучеру вернуться только после ужина.

Догадка оказалась верна: вскоре легкий стук в дверь нарушил безмолвие этой комнаты.

— Ваше Высочество, за вами посыльный от короля, — голос служанки был приглушен плотно закрытой створкой.

«Что там могло случиться?» — Элея встревожено оправила свое длинное темно-синее платье, бросила взгляд в зеркало, проверяя, все ли в порядке, а потом решительно открыла дверь. Выходя, она не обернулась, хотя больше всего хотела именно этого. Детское чудачество... ей всякий раз казалось, что Пат может вдруг очнуться, когда никто не видит.

— В чем дело, матушка? — спросила она Ваэлью, стремительно спускаясь по широкой деревянной лестнице в гостиную.

— Не знаю. — Наставница сидела у окна с книгой и вовсе не выглядела обеспокоенной. — Мне не доложили. Посыльный только сказал, что король желает видеть тебя.

— Как странно... — бормотала Элея, спешно набрасывая теплую меховую накидку. — Отец не устраивает суеты из-за

пустяков. Он же знает: я не люблю, когда меня тревожат в твоём доме.

— Не волнуйся, — заложив книгу пальцем, Ваэлья улыбнулась ободряюще. — Я не думаю, что это дурные вести.

Как всегда, она не ошиблась.

Суету, собственно, поднял вовсе не отец. Просто в Брингалин прибыл дядя Элеи, который жил на Солере, соседнем острове. Граф Риварн был человеком жизнерадостным, шумным и очень толстым — не всякая лошадь унесет. Элея любила его и всегда с радостью ждала в гости, а дядя, едва прибыв, неизменно первым делом желал видеть дорогую племянницу. Ему не терпелось вручить ей какой-нибудь удивительный подарок из числа тех, которые действительно запоминаются надолго.

Но на сей раз Элее пришлось собрать в кулак все силы, чтобы дядя не почувствовал того равнодушия, которое на самом деле владело ею. Хотя это было даже не равнодушие — может, просто принцесса разучилась чувствовать...

Но так или иначе, а семейный ужин она высидела вполне достойно: живо поддерживала беседу, улыбалась, даже шутила... И радовалась, что неяркий свет от камина и высоких канделябров на столе скрывает печаль, затаившуюся в глубине ее глаз. И усталость, бесконечную усталость.

А дурные вести и в самом деле приходят иначе, она знала это.

Когда ужин с дядюшкой подошел к концу, когда песни и шутки остались в трапезной, которую Элея, наконец покинула, она вдруг так отчетливо вспомнила, как именно беда постучалась в двери...

В тот день она, по обыкновению, рано проснулась и вышла в сад, когда солнце только-только поднималось над морем. Этот сад был значительно скромней того, что тешил взоры обитателей Солнечного Чертога. Но Элея любила его

ничуть не меньше, а может стать, и больше... В нем была своя тайна, свое неповторимое очарование. Особенно осенью.

Медленно ступая по ковру опавших листьев, она любовалась их ажурным разноцветным узором и радовалась последнему теплу. Но была к этой радости примешана немалая доля печали: миновало уже больше полугода с того момента, когда Элея последний раз видела своего шута... И ни единой весточки — ни письмом, ни на словах. От осведомителей из Золотой она знала, что Пат, оклеветанный и обвиненный в убийстве принца, подался в бега. И исчез. Никто не ведал, где он. Элея молилась о том, чтобы ее люди нашли шута раньше королевских сыскарей, но того словно демоны покрали.

Разлука была тяжелым испытанием, но еще хуже оказалась тревога. Элея знала шута достаточно хорошо и с трудом представляла, как избалованный дворцовой жизнью господин Патрик сумеет выжить за пределами Чертога. Если только прибавшись к каким-нибудь артистам, таким же сумасбродам не от мира сего... Но все попытки найти его среди бродячих комедиантов ничем не увенчались. Иногда Элее казалось, что он сам вот-вот объявится на Островах. Просто приплывет однажды утром на каком-нибудь торговом коге и заявит к ней в Брингалин как ни в чем не бывало...

Увы, мечты оставались мечтами, а наяву принцессу Белых Островов поджидали неизвестность да бесконечная грусть. И только годами отточенное умение скрывать свои чувства позволяло хранить это в тайне ото всех. Глядя на Элею, ее подданные, как обычно, видели сдержанную и аж скулы сводит до чего хладнокровную наследницу престола.

Поднимая с земли багряные листья черемухи, Элея подумала о том, как далеки на самом деле от реальности представления людей об истинной сущности друг друга. Быть может, и сама она ошибалась, привыкнув видеть Патрика беззащитным мальчиком. Ей хотелось в это верить...

Слуга отца нашел ее у фонтана. И так-то не слишком улыбчивый, он выглядел еще более хмурым, чем обычно: просьба немедленно прийти в кабинет Его Величества прозвучала из уст верного Тарила, как грозный удар колокола. Невнятное чувство тревоги опалило горячей волной, заставив принцессу внезапно оступиться на ровной тропинке.

Давиан встретил дочь с печалью в глазах. В руках он держал узкий длинный свиток, какие обычно доставляют птицы-вестники.

— Что случилось, отец? — Предчувствие беды из колокольного боя превратилось в грозовые раскаты.

— Сядь, милая.

Давиан указал на высокое деревянное кресло у открытого окна, и Элея послушно опустилась на мягкое сиденье, пытаясь успокоить дыхание, которое внезапно стало слишком частым. Некоторое время отец молчал, просто смотрел вдаль, словно хотел увидеть что-то в темных переливах волн или в полете чаек над скалами. Легкий бриз шевелил его рыжевато-пшеничные волосы, точно играл с ними, а солнце беззаботно рассыпало искры по драгоценным камням на тонком обруче непарадной короны... но лицо короля оставалось суровым.

— Дурные вести принесла нам птица, — промолвил он, наконец, обернувшись к дочери. — Печальные вести из Закатного Края.

Короткая пауза, похожая на вечность.

— Королева Нар мертва. Наследник Руальда, скорее всего, тоже.

«О боги! — глупая радость взметнулась в душе Элеи. — Неужели вся беда лишь в том, что ведьма, лишившая меня мужа и трона, отчего-то сгинула и сама?»

Нет, она никогда не желала зла этой маленькой воровке — мстительность была чужда принцессе Белых Островов — но и оплакивать соперницу не собиралась. Впрочем,

Элея ощутила неподдельную жалость к Руальду: что бы там ни было, а колдунью свою он любил по-настоящему.

И ребенка ждал, как высшего чуда в жизни...

А для государства, конечно же, очень скверно потерять наследника.

— Отец, но что значит «скорее всего»? — она была сбита с толку. — Срок рождения этого младенца еще не настал, верно ведь? Я не понимаю. Если погибла мать, ребенок, очевидно, должен был разделить ее участь.

Давиан сумрачно кивнул и снова устремил взгляд за горизонт. Он стоял, тяжело опершись о подоконник, и на широких кистях его рук, покрытых россыпью веснушек, отчетливо проступали темные вены.

— Это очень странная история, которую не только ты — никто не может понять до конца. Я расскажу по порядку... Как тебе известно, все минувшее лето Руальд со своей женой провели за городом. Лебединый дворец — место тихое, почти глухое... Ты и сама лучше меня знаешь... В тот день король отправился на охоту. Когда он покидал усадьбу, его жена прогуливалась по саду в обществе своих слуг. Была радостна и полна жизни. Да только не успел Руальд загнать оленя, как ему сообщили, что королева пропала. Нашли ее быстро, в тот же день... Говорят, твой бывший муж едва не лишился остатков своего разума, когда увидел, что стало с его колдуньей. Королева Нар разбилась. Упала со стены старого храма. И для всех осталось загадкой, как ей удалось разрешиться от бремени. Звучит странно, но чрево погибшей оказалось пусто, а ребенок пропал. Что именно произошло и по чьей вине — никто не знает.

Давиан замолчал, но Элея понимала — он сказал не все, и частые удары ее сердца горячо отдавались в висках. С тяжелым вздохом король отошел от окна, и сразу же погасли брызги солнца на золотом обруче, без прикрас оставив горечь

в глубоких складках у глаз, в сведенных бровях, в плотно сомкнутых губах, которые никак не решались произнести то, что она откуда-то и так уже знала...

— Там же, в лесу рядом с храмом, нашли беглого преступника... придворного шута.

Давиан подошел к ней и, крепко взяв за плечи, посмотрел прямо в глаза.

— Девочка моя, прости... этого человека больше нет.

Нет...

Как это — нет?

Ветер по-прежнему шелестел за окном, кричали над морем чайки, где-то в соседних комнатах негромко переговаривались служанки. Элея слышала все — каждый звук, каждый удар своего сердца. Но слова отца не доходили до ее сознания.

— Элея... — Давиан обнял ее и бережно прижал к своей груди, как будто это могло помочь спрятаться от беды. Мудрый отец, он знал, все знал... Он понимал, какой крошечный мрак породили в ее душе эти слова. — Дворцовый лекарь из Золотой сказал, что твоего Патрика сразил колдун. Очень сильный колдун. Удар был направлен не на тело, а на разум. Это похоже на какое-то проклятье или злые чары. Внешне парень невредим... только эта оболочка пуста.

— Отец! — она схватила его за руку, вспыхнув надеждой. — Но он жив? Жив?!

— Дитя мое, — Давиан глубоко вздохнул, — лучше бы он умер. То, что случилось с твоим другом, ужасно. Это хуже смерти, ибо без души тело его — лишь пустой сосуд. Все лекари и ведуны, которых сумел отыскать Руальд, говорят одно: надежды нет. А этот безумец все надеется на чудо... Кроме его шута некому рассказать, что там случилось на самом деле. Да только глупо это. Глупо ждать невозможного. Честней было бы просто позволить ему умереть. Я не понимаю, почему так не сделали до сих пор.